

Иранская политика Д. Трампа: «бить или не бить»

Комментарий Центра АРВАК, 05.02.2026

Аннотация

В статье анализируется новый виток эскалации вокруг Ирана в начале 2026 г. через призму активизации великих держав – КНР и РФ. Рассматриваются скрытые механизмы военной поддержки Тегерана со стороны Пекина и Москвы, направленные на создание «противовоздушного купола» над ИРИ. Особое внимание уделено внутренним дестабилизирующим факторам в США и личностным особенностям Дональда Трампа как ключевым переменным, определяющим вероятность начала полномасштабного регионального конфликта. Авторы приходят к выводу, что устойчивость иранского режима стала экзистенциальным условием сохранения континентального тыла для КНР и РФ.

Ключевые слова: Иранская эскалация, геополитика Ближнего Востока, НОАК, СРЕС, российско-китайский альянс, Дональд Трамп, Ормузский пролив, энергетическая безопасность, военно-техническое сотрудничество.

1. Китайский фактор: военное присутствие в Пакистане и коридор СРЕС

Обзор сведений из медийных источников на Ближнем Востоке и в Центральной Азии позволяет зафиксировать беспрецедентную активизацию Китая в контексте эскалации вокруг Ирана.

По сведениям пакистанских источников, параллельно росту эскалации вокруг ИРИ, Пекин инициировал операцию по расширению своего военного присутствия в Пакистане и, в частности, в горной провинции Гилгит–Балтистан, где ведутся масштабные работы по строительству Китайско-Пакистанского экономического коридора (СРЕС). Народно-освободительная армия Китая (НОАК) уже сконцентрировала здесь группировку численностью в 10.000 военнослужащих, и Пекин имеет намерение укрепить ее дополнительными силами.

На официальном уровне Китай и Пакистан отрицают развертывание в Гилгит-Балтистане новых китайских подразделений, однако спутниковые снимки свидетельствуют, что такая операция проводится в больших масштабах и при высоком темпе. Согласно поступающим сведениям, КНР, тем самым, преследует цель не только усилить меры безопасности вокруг инфраструктуры строящегося коридора СРЕС, но и создать здесь стратегический плацдарм на случай осложнения военно-политической обстановки в Афганистане, которая напрямую связана с иранской эскалацией.

2. Ормузский пролив и поставки «ракетного сырья»

В начале февраля 2026 г. стало известно, что Пекин направил в Ормузский пролив многоцелевые эсминцы УРО (с управляемым ракетным оружием) *Type 052D* и *Type 055*. Официальная версия переброски кораблей – участие в совместных с ВМС Ирана и России морских учениях в Оманском море. Между тем, не вызывает сомнений, что цель морского похода заключается в демонстрации готовности защитить ИРИ и в практических мерах по сбору и передаче Тегерану разведанных о маневрах концентрирующейся в Аравийском море ударной группировки ВМС США.

Кроме того, очевидна, что эсминцы ВМФ НОАК должны обеспечить беспрепятственную доставку в иранский порт Бандар–Аббас китайских грузов военного назначения. Речь прежде всего идет о перхлорате натрия – базовом компоненте для производства твердотопливных ракет. По данным израильской разведки, в период с июля 2025 г. по январь 2026 г. Китай уже успел направить Ирану 10-12 морскими рейсами до 2 тысяч тонн указанной химической смеси. В ноябре 2025 г. американцам удалось задержать один из следовавших в Иран китайских судов с перхлоратом натрия и конфисковать весь груз, однако доставки не прекратились. С концентрацией авианосных группировок США в Аравийском море возможности американцев по блокаде иранских портов увеличились, и китайские эсминцы, очевидно, должны обеспечить условия для неповторения ноябрьского эксцесса. Таким образом, Китай прикладывает максимум усилий для восстановления иранских ракетных арсеналов, в чем, по признанию американо-израильских источников, уже добился ощутимых успехов.

3. Диверсификация поставок и «воздушный мост» РФ и КНР

Пекин успешно диверсифицировал способы военных поставок Тегерану, осуществляя перевозку других грузов военного назначения также по воздуху и суше (через территорию Пакистана). Информация о номенклатуре этих поставок держится в строгой секретности, однако эксперты полагают, что речь главным образом идет о средствах радиоэлектронной разведки и передовых комплексах ПВО. По данным международных центров мониторинга воздушных полетов, начиная с января 2026 г. ощутимо возросла динамика перелетов военно-транспортных бортов ВВС НОАК в Иран и обратно.

Аналогично наблюдается резкий рост количества российских военных транспортных рейсов в Иран через каспийское небо. Мониторинговые центры свидетельствуют о систематических перелетах нескольких транспортных самолетов Ан-124-100 и спецборта Ил-76ТД. По мнению российских военных аналитиков, речь может идти о поставках иранским союзникам *«критических технологий или тяжелого вооружения»*. Российские эксперты считают, что Москва и Пекин своими поставками стремятся обеспечить над Ираном противовоздушный *«купол»* первого и второго эшелона и фактически *«организовать в регионе бесполетную зону»*.

4. ИРИ: подготовка к затяжной войне

Есть все основания утверждать, что новый виток эскалации вокруг Ирана гипотетически может вылиться в более масштабную и затяжную войну, чем июльский прецедент 2025 года. Несмотря на возросшую в сравнении с летней кампанией огневую мощь сосредоточенных в регионе сил США, в настоящий момент Тегеран выглядит более подготовленным к отражению атак и ответным действиям. Это обусловлено, помимо предпринятых иранским командованием корректировок в оборонной стратегии, также более решительной военно-политической поддержкой Ирана Китаем и Россией.

Пекин, по сути, укрепляет иранский тыл в Пакистане и Афганистане, расширяя там свой военный контингент, а также обеспечивает ИРИ вооружением и сырьевыми элементами, имеющими критическую значимость для оборонного потенциала этой страны. Москва в свою очередь тоже ощутимо наращивает поставки военного назначения в Иран как в рамках ранее подписанных оборонных контактов, так и в формате безвозмездной помощи на фоне эскалации вокруг Исламской Республики. И, наконец, вместе КНР и РФ обозначают свое непосредственное военное присутствие в районе Ормузского пролива, ощутимо ограничивая свободу оперативных действий американо-израильского тандема, поскольку любой, даже случайный прецедент огневого контакта с российско-китайской корабельной группировкой чреват опасностью вспышки мировой войны.

5. Стратегия ИРИ: неприемлемый урон и экономический коллапс

Практически все наблюдающие за ситуацией эксперты сходятся во мнении, что пользующиеся неприкрытой поддержкой России и Китая Иран в случае американо-израильской атаки не ограничится ударами по еврейскому государству и расширит зону ответного поражения. Потенциальными мишенями ракетных и дроновых ударов Тегерана, кроме израильских целей, станут прежде всего авианосец США *Abraham Lincoln*, практически все базы США на Ближнем Востоке, включая крупнейшую Аль-Удейд в Катаре, и, возможно, базу Диего-Гарсия в Индийском океане, а также нефтяная инфраструктура Саудовской Аравии, Катара и Азербайджана.

Атаке могут подвергнуться даже ОАЭ, несмотря на категорический отказ Эмиратов предоставить свое воздушное пространство американо-израильскому тандему для ударов по ИРИ. Тегерану важно в качестве ответа на атаку по своей территории спровоцировать финансово-экономический коллапс в мире, поэтому номинальный нейтралитет имеющего ключевое значение для мировой финансовой системы Абу-Даби не предотвратит намерений военно-политических властей Ирана. Сделанное 01.02.2026 заявление Верховного лидера ИРИ аятоллы Али Хаменеи о том, что атака на Иран «на этот раз» откликнется миру большой региональной войной было сделано именно с намеком на то обстоятельство, что Ирану отступать далее некуда. Следовательно, экзистенциальные риски побудят его поджечь весь регион.

6. ИРИ как гарант евразийского баланса сил

Это вполне объективный и заслуживающий внимания тезис, поскольку окончательное разрушение хрупкого равновесия на Ближнем Востоке и в Персидском заливе может привести к глобальному коллапсу в энергетической, торгово-экономической и финансовой сферах. В этом контексте послание Хаменеи следует трактовать не только как угрозу коллективному Западу, но и как предупреждение своим союзникам, которое должно побудить их более решительно сдерживать агрессивное поведение США и их милитаристические устремления.

Иран с его нынешним военно-политическим руководством – ключевая страна, удерживающая в балансе соотношение сил между коллективным Западом с одной стороны и российско-китайским геополитическим дуэтом с другой. Падение нынешней

системы власти в Иране, распад этой страны по сирийскому образцу либо ее секуляризация по западным лекалам повлекут за собой обвал опоры безопасности Китая и России в сердце азиатского континента. Для Пекина падение Ирана обернется утратой главного суверенного источника критически важных нефтяных поставок, а также ключевого стабилизационного фактора, обеспечивающего глобальную безопасность маршрутов «Великого Шелкового пути» в Европу через Центральную Азию, и собственно иранские территории.

Кроме прочего, целостный и суверенный Иран является для КНР надежным геостратегическим буфером, сдерживающим расширение ближневосточного хаоса и препятствующим проникновению исламского и радикал-националистического экстремизма в Центральную Азию. В свете проблемы «уйгурского сепаратизма» это крайне важное обстоятельство, побуждающее Пекин оказывать всестороннюю поддержку Тегерану. В сумме, стабильный и прогнозируемый Иран представляет собой ключевой фактор прочности континентального тыла Китая. На фоне роста эскалации вокруг Тайваня и американо-китайской напряженности во всем Индо-Тихоокеанском регионе Пекин прикладывает все усилия для укрепления иранского суверенитета.

7. Интересы РФ и роль ИРИ на южном направлении

В равной мере эскалация вокруг Ирана тревожит и Москву. Иран является практически единственным окном выхода России на юг – к Индийскому океану, Ближнему Востоку и Африке. Коммуникационная роль Ирана для России ощутимо возросла в свете конфронтации с Западом по поводу Украины и фактической изоляции РФ с европейского направления. Также для Москвы представляет незаменимую значимость роль Ирана как балансира системы безопасности в Центральной Азии, куда настойчиво пытаются проникнуть традиционные западные соперники, в том числе за счет концепции общетюркского единения и экспортируемого из Турции политического ислама.

ИРИ в настоящий момент рассматривается Москвой как примыкающий к России с юга естественный барьер, помогающий сдерживать экспансию Запада в зону стратегической ответственности ШОС. В этой связи Россиякратно увеличила внимание к ИРИ после фактического политико-дипломатического провала на турецком направлении, на котором в свое время пыталась обозначить крайнюю геостратегическую линию сдерживания США и их европейских союзников.

В свете перечисленного сохранение стабильности действующей власти в ИРИ и недопущение хаоса по типу сирийских событий в равной степени отвечает экзистенциальным интересам КНР и РФ, что способствует укреплению их альянса.

8. Внутренняя стабильность и расчеты США

По мнению некоторых западных аналитиков, несмотря на исключительную значимость Ирана, Китай и Россия не вступят в прямой военный конфликт с Западом «ради спасения Тегерана». Этот прогноз близок к реальности, о чем, помимо прочего, свидетельствуют сведения об отсутствии масштабных приготовлений Пекина и Москвы

к прямому участию в войне. Вместе с тем, и в самом Тегеране не видят необходимости в прямом вовлечении в конфликт своих союзников и партнеров в случае нападения США, считая достаточным предоставление ими военной техники и спутниковых данных. Исламская Республика обладает способностью организовать самостоятельную оборону, будучи самодостаточной в плане человеческих ресурсов и осуществления внутреннего контроля над своей территорией.

Критическим уязвимым звеном в оборонительной системе Ирана традиционно выступает внутренняя нестабильность. Она обусловлена глубокой фрагментацией общества по этническим, идеологическим и культурно-цивилизационным признакам, а также затяжным социально-экономическим кризисом, который систематически провоцирует масштабные антиправительственные выступления последних десятилетий. В этом контексте было бы закономерно считать, что решение Д. Трампа о подготовке к очередной атаке на Иран было принято на фоне массовых беспорядков в этой стране в связи с гиперинфляцией национальной валюты, а не внешнеполитическими причинами. Иран не провоцировал США и Израиль к новой атаке, и поэтому поводами к ней стали якобы факты насильственного подавления социальных протестов в стране. Очевидно, причины побудившие США подготовиться к удару по ИРИ, были продиктованы докладами соответствующих служб о назревшем пике внутренней дестабилизации в ИРИ, которую можно капитализировать в процесс распада политической системы этой страны ударом по военно-политической верхушке и объектам критической инфраструктуры. Не случайно, что в своих заявлениях по поводу новой войны президент Д. Трамп неоднократно ссыался на необходимость оценки «масштабов жестокости» иранских властей, ставя окончательное решение по атаке в зависимость от готовности протестных масс продолжить сопротивление.

9. Ошибки команды Д. Трампа и консолидация ИРИ

Западные эксперты считают, что медлительность Трампа была вызвана способностью Тегераном оперативно и жестко подавить волнения в стране и быстро установить контроль на всей ее территории. В Вашингтоне и Тель-Авиве не ожидали подобной эффективности КСИР, а также консолидации власти, не продемонстрировавшей признаков раскола между ее консервативной и реформистской фракциями. По мнению израильских аналитиков, команда Трампа упустила момент атаки, неправильно рассчитав протестный потенциал иранских масс и не сумев оформить социальные волнения в структурированный политический процесс. В этом смысле, выдвижение консолидирующей протесты политической фигуры (к примеру, принца Резы Пехлеви) было бы более результативным, чем «заплыв» авианосной группировки *Abraham Lincoln* в Аравийское море.

Фокусирование США и Израйля на подготовке военной составляющей «смены режима» отодвинула на второй план идейно-политическую подоплеку событий в Иране, оставив протесты на стадии спонтанных акций, легко подавляемых властью. Теперь же, удар по Ирану может спровоцировать обратный эффект и сплотить иранское общество вокруг «*правящего режима*». Протесты в Иране не родили политического лидера и оставили безучастными сепаратистские движения этой стране. Курды,

разочарованные сдачей сирийской Рожавы Анкаре и Дамаску, по сути отказались от активных действий против Тегерана; иранские азербайджанцы отвергли призывы иранских монархистов во главе с принцем Р. Пехлеви об объединении усилий; белуджи изначально выбрали осторожную, выжидающую позицию.

10. Фактор непредсказуемости и «дело Эпштейна»

В сложившихся условиях опоздавший удар по Ирану может нанести ущерб военной инфраструктуре страны или, даже, привести к физическому устранению ряда ключевых фигур военно-политической ее элиты, но не приведет к краху системы власти, спровоцировав ответные действия против военного-стратегических, политических и экономических интересов США на Ближнем Востоке. Подобный сценарий станет большим поражением администрации Д. Трампа в контексте ее борьбы не столько с самим Ираном, сколько с РФ и КНР.

По мнению мирового экспертного сообщества, Д. Трамп до настоящего момента не может определиться с дальнейшим решением по Ирану. Именно с этим связан отвод ударной авианосной группировки *Abraham Lincoln* подальше от зоны досягаемости иранских противокорабельных ракет. И тем не менее, как представляется аналитикам, действующий глава США мало предсказуем, и атака на Иран может в равной степени как состояться, так и быть отложенной.

Непредсказуемость Вашингтона продиктована личностными особенностями Д. Трампа: импульсивностью и нежеланием решать проблемы последовательно. Его ставка на тактику «силового рывка» и максимализм в дипломатии спровоцировали кризис управления глобальными инициативами США, создав клубок противоречий в разных регионах мира. Зависшие в неопределенности мирные переговоры на Украине, невнятная венесуэльская повестка, кризис в американо-европейских и американо-канадских отношениях по поводу Гренландии и дальнейшей судьбы НАТО, инициирование новой блокады Кубы, иранская эскалация и, наконец, тарифные и санкционные «войны» с крупнейшими экономиками мира, обусловлены стремлением американского лидера и его команды установить глобальное господство США, без оглядки на международное право и возможности собственной страны выдержать подобную нагрузку.

В экспертном сообществе и кругах оппонентов Д. Трампа доминирует мнение, что его внешнеполитический стиль — это не столько решительность, сколько системная волатильность и дисбаланс между личными амбициями и реальными ресурсами государства. Навыки управления критическими рисками, принесшие Д. Трампу успех в девелопменте, оказываются деструктивными в международной политике, требующей прагматизма и осмотрительности. Глобальные конкуренты Вашингтона предпочитают переждать поднятую Д. Трампом «бурю» на международной арене, рассчитывая на иссякание терпения самих американских элит и общественности, демонстрирующих признаки усталости от постоянных дерзких внешнеполитических инициатив и опасных комбинаций.

Одним из признаков надвигающихся в США кардинальных политических перемен можно считать вновь появившееся в публичном поле «дело Джеффри Эпштейна», в

котором, в числе прочих, были рассекречены скандальные факты из прошлого самого Д. Трампа. Как считают аналитики, это в равной степени может способствовать как агрессивизации команды Трампа в отношении Ирана, с попыткой отвлечь внимание американской общественности на новую войну, так и *«надолго похоронить»* тенденцию демонизации ИРИ, которая с подачи своих союзников – КНР и РФ – якобы угрожает порядку и безопасности всей Азии.

Перспективы урегулирования иранской проблемы сегодня в большей степени определяются внутривнутриполитической конъюнктурой в Соединенных Штатах, нежели дипломатическим процессом в Омане. Хотя ядерная программа Тегерана остается официальным предметом диалога, решающим фактором становится политическая траектория Дональда Трампа и устойчивость его администрации».